

Отзыв

официального оппонента Козьминой Елены Юрьевны
о диссертации Биктимирова Владислава Эдуардовича
«МЫСЛЬ О ЛИТЕРАТУРЕ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ГЕРМАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
Г. ГРАССА „ШИРОКОЕ ПОЛЕ” И Й. ШИММАНГА „НОВЫЙ ЦЕНТР”)),
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 5.9.3. Теория литературы

Диссертационное исследование В. Э. Биктимирова, выполненное на материале двух романов известных немецких авторов (Г. Грасса и Й. Шимманга), посвящено специфике жанровой разновидности историоцентричного романа и роли литературы в этих произведениях, а также реконструкции «авторской рефлексии о роли книги и <...> литературы в историческом развитии современного общества» (с. 7). Проблема, поставленная диссертантом, оказывается, таким образом, многослойной и требует различных взаимосвязанных подходов к анализу произведений, с чем диссертант успешно справляется.

В выбранных для исследования романах отражена попытка осмыслить историческое прошлое Германии, сконструировать национальную идентичность; В. Э. Биктимиров отмечает, что «поиски себя и своей национальной идентичности, смысла и закономерностей исторического развития – все это неотъемлемые конструкты современной немецкоязычной литературы» (с. 3). Осмысление истории в романах тесно связано с литературой и чтением как способом понимания прошлого, настоящего и, в определенной степени, будущего страны. Все сказанное обеспечивает интерес и к романам, и к их анализу. Не менее интересным и актуальным кажется попытка диссертанта выделить и описать новую разновидность исторического романа – историоцентричный роман.

При всей сложности поставленных задач автор диссертации излагает ход своих рассуждений и основные выводы внятно, логично, стремится к исчерпывающим формулировкам вводимых понятий. Ясно и четко сформулирован и аппарат исследования – цель, задачи, основные проблемы, актуальность, новизна, значимость и т. п.

Как положительный момент можно отметить выбор научного инструментария для исследования романов. Это, прежде всего, концепция жанра М. М. Бахтина как «трехмерного конструктивного целого», позволяющая рассмотреть произведения в трех органично связанных друг с другом аспектах: как художественный мир, как «событие

самого рассказывания» и как границу между реальностью автора и читателя и вымышленной реальностью.

Научный вес исследованию придает также рассмотрение понятия «металитературность» и обнаружение еще одного фокуса, в котором это явление может быть понято.

Первая глава диссертации «История и литература как жанрообразующие темы» включает в себя теоретическое обоснование для выделения новой разновидности исторического романа, а также описание инварианта классического исторического романа, характеристику существующих в современной литературе вариантов этого жанра и осмысление понятия «металитературность».

Как положительный момент можно отметить тот факт, что В. Э. Биктимиров, говоря об историоцентричном романе, не ограничивается только анализируемыми произведениями, но называет также и другие тексты: «Дом доктора Ди» П. Акройда, «Кольца Сатурна», «Аустерлиц» В. Зебальда, «Опрокинутый дом», «Время и место» Ю. Трифонова (с. 25).

Выделяя новую разновидность жанра, исследователь справедливо исходит из особой изменчивости исторического романа и подкрепляет свое мнение работой Дж. Де Гроота «The Historical Novel. The new critical Idiom», формулируя также причины такой изменчивости: «смена культурных парадигм и развитие философских и историософских концепций нового времени» (с. 20). В современной литературе соискатель выделяет три новых разновидности исторического романа: историографический метароман, историософский роман и альтернативно-исторический роман (с. 22).

В этом пункте возникает несколько дискуссионных замечаний.

Во-первых, как представляется, диссертант смешивает близкие, но все же различные варианты исторического романа: это собственно альтернативная история («Фатерланд» Р. Харриса) и это так называемый фантастический авантюрно-исторический роман или роман о «попаданцах» («11/22/63» С. Кинга). Добавим к этому, что существует отдельная, философско-сатирическая ветвь жанра (например, «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» М. Твена, «Фантастическая сага» Г. Гаррисона и т. п.).

Во-вторых, нужно заметить, что собственно альтернативно-исторические романы не ограничиваются, на наш взгляд, игрой и исследованием возможных исторических реальностей; большинство из них направлены на конструирование идентичности, в большей степени – национальной; а это гораздо ближе подходит к предмету рецензируемой диссертации, чем можно представить, и, следовательно, должно быть разобрано тщательнее; кроме того, у этих разновидностей жанра сходный тип имплицитного читателя.

В-третьих, автор диссертации, как кажется, не отдает должного фантастическому авантюрно-историческому роману как важному фактору современной литературы (хотя бы и массовой), а между тем именно здесь отрабатывается принцип нелинейности истории, когда «история не разворачивается в линейной перспективе: прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в культурном сознании в парадоксальном единстве» (с. 21). Конечно, такое сосуществование времен в фантастическом историческом романе мы находим только в сознании героя, но в последующих разновидностях жанра оно уже становится конструктивным его принципом.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Автор диссертационного исследования справедливо полагает, что для определения новой разновидности исторического романа необходимо сравнить признаки таких произведений с признаками классического романа. Однако сопоставление не выглядит системным.

Во-первых, В. Э. Биктимиров фокусируется на различиях, а не на сходстве. На с. 18 соискатель описывает основные характеристики, ссылаясь на основополагающие работы Н. Д. Тмарченко, В. Я. Малкиной, учитывая работы И. В. Пасюкевич и замечания по теме Б. Дубина. Соискатель пишет: «В современной литературе появляются новые историкоориентированные произведения, чьи поэтика и проблематика не укладываются в рамки традиционного исторического романа» (с. 20) и в соответствии с этим выявляет и формулирует различия. Но ведь именно сходство позволяет говорить о генезисе и о источниках историкоцентричного романа. Добавим, что сходство между современными разновидностями жанра (с. 45) автором диссертации отмечено очень точно.

Во-вторых, сопоставление с классическим романом проведено не по всем аспектам жанровой структуры. Затронуты лишь сюжет и тип героя.

Относительно сюжета автор пишет, что в новой разновидности читатель находит «...иной способ репрезентации истории» (с. 28). По поводу типа героя В. Э. Биктимиров отмечает: «В историкоцентричном романе изображается человек, испытывающий духовный кризис, вызванный нестабильной общественно-политической ситуацией» (с. 30). Но здесь явно напрашивается дальнейшее сопоставление; ведь в классическом романе герой также находится в нестабильной исторической ситуации («смутное время»), а кроме того, он изображен на переломе от юности к зрелости, на пороге профессионального и иного самоопределения. Если сравнить характер кризиса в классическом и историкоцентричном романе, можно получить выводы, еще более убедительно подтверждающие основные положения диссертации.

И, наконец, в-третьих, практически нет сопоставления повествовательной структуры романов, в чем исследователь признается сам: «Данный вопрос мы вынуждены оставить

открытым ввиду того, что такая постановка проблемы требует обращения к более широкому корпусу текстов» (с. 31) и выносит эту задачу в перспективы исследования: «Также важным представляется изучение компонента речевой организации историоцентричного романа, его нарративной специфики, что могло бы обеспечить четкое представление о данном жанровом явлении» (с. 132). Тем не менее, сопоставление субъектно-речевой структуры двух историоцентричных романов с инвариантом классического исторического романа (хотя бы и поверхностное) также могло бы сослужить хорошую службу и углубить выводы диссертации. Так, например, как одну из важных характеристик повествовательной структуры классического варианта жанра исследователи называют наличие исторических справок и комментариев, введенных в текст романов. Отсутствие аналогичных композиционно-речевых форм или их существенная трансформация, по крайней мере, в двух исследуемых историоцентричных романах подкрепило бы вывод о непрямых формах изображения истории в этой жанровой разновидности.

Справедливости ради отметим, что отдельные наблюдения над субъектно-речевой структурой анализируемых романов в тексте диссертации наличествуют; например, тонкое наблюдение о том, что всеведущий нарратор временами становится хроникером с ограниченным кругозором (с. 49).

В этой же первой главе В. Э. Биктимиров рассматривает понятие металитературности, выявляя хорошее знание литературы вопроса. На основании анализа романов и научных исследований, диссертант убедительно формулирует «пятый тип металитературности», понимая его как «рефлексию о воздействующем потенциале литературы в отношении к истории, в частности, к национальной судьбе» (с. 44). По мнению исследователя, «этот тип литературной саморефлексии <...> находит свое специфическое жанровое воплощение в том типе романа, который мы называем историоцентричным романом» (с. 44).

Вторая глава **«История и литература в романе „Широкое поле” Г. Грасса»** посвящена анализу указанного в названии главы романа. Здесь подробно рассматриваются сюжет и нарратив, формы репрезентации истории и литературы. Очень интересны разделы, где В. Э. Биктимиров рассуждает о «литературно-аллюзивном фоне» и о роли в романе немецкого писателя Теодора Фонтане.

Не менее любопытны упоминания о концепции «четвертого времени» Г. Грасса с привлечением другой работы писателя – эссе «Головорожденные, или Немцы умирают». Отсутствие в романе «размежевания “прошлое – настоящее – будущее”» воплощается в архитектурном сооружении – Доме Министерств (соискатель приводит мнение

М. Мальдонадо-Алемана по этому поводу на с. 59). Но такие архитектурные метафоры есть в обоих романах: на с. 101, анализируя «Новый центр» Й. Шимманга, соискатель, ссылаясь на исследования Н. В. Польщиковой, пишет: «Неслучайно герои неоднократно отмечают, что замкнутая система зданий, выстроенная во времена хунты, казалась им бесконечной, как и сама тоталитарная власть». **Отсюда вопрос – может ли это «архитектурное» совпадение быть неотъемлемым признаком историоцентричного романа?**

Третья глава диссертационного исследования «**История и литература в романе „Новый центр“ Й. Шимманга**» содержит анализ указанного романа. Так же, как и в предыдущей главе, В. Э. Биктимиров исследует сюжет и нарратив, формы презентации истории и литературы. В отдельном подразделе соискатель оформляет наблюдения над интертекстом и осмысляет проблему социальной значимости литературы.

Кажется совершенно справедливыми мысли автора диссертации о том, что «Новый центр» не должен рассматриваться как альтернативно-исторический роман. В основе, полагает соискатель, не описание исторических событий, а «возможная историческая судьба немецкой нации» (с. 109), и это очень точное наблюдение.

В отличие от романа Г. Грасса, как утверждает диссертант, в «Новом центре» история представлена как цикличное явление. «Выход из негативной повторяемости событий прошлого Шимманг видит в обращении к культурному наследию – литературе» (с. 109). Позже, уже в Заключение, исследователь повторит, что «в обоих текстах воплощается мысль о целительной силе литературы» (с. 132). Но при этом говорится о пессимизме автора «Нового центра» (т. е., его неверии в «целительную силу»), что противоречит ранее высказанным тезисам. К тому же, на с. 128 утверждается, что в романах прослеживается мысль о том, что «именно отказ людей от развития искусства, частью которого и является литература, грозит уничтожением Западного мира». Но ведь такой персонаж, как Элионор Ригби не только не отказывается от литературы, но знает ее намного лучше, чем главный герой. И между тем, именно она – разработчик проекта «Белый мир», оружия, направленного на уничтожение.

Вторая и третья главы представляют интерес как теоретический (материал для рассуждений о жанре и о развитии «мысли о литературе»), так и самостоятельный, как добротный, тщательный анализ произведений. **Представленные в диссертации ход анализа и его результаты провоцируют дальнейшие размышления, например, о характере заглавий романов.**

Хотелось бы узнать мнение соискателя о проблеме перевода заглавий романов Г. Грасса и Й. Шимманга. Оба они метафоричны: и «Широкое поле», и «Новый центр» имеют в контексте романа не только буквальное значение. Соискатель отмечает это на с. 5

и на с. 90. На русский язык «Ein weites Feld» переводится и как «Широкое поле» (В. А. Пронин, М. С. Потемина), и как «Долгий разговор» (Б. Н. Хлебников). Если перевод «Широкое поле» сохраняет многослойность значения, то «Долгий разговор» сужает этот спектр. Несколько иной перевод – в польской версии романа: при наличии слова szeroki (широкий), заглавие романа все же переведено как «Rozległe pole» (с очень близким, но все же не идентичным значением слова rozległy). Заглавие «Neue Mitte» можно было перевести не только как новый центр, но и как «Новая середина», «Новая группа» (с. 90 диссертации).

Какие переводы, с точки зрения диссертанта, наиболее адекватны?

В качестве итога еще раз подчеркнем интерес, который вызывает исследование В. Э. Биктимирова, и очевидную успешность решения сформулированных соискателем проблем.

Автореферат и 6 публикаций В. Э. Биктимирова, включающих 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК и Аттестационным советом УрФУ, соответствуют содержанию диссертации и полностью отражают ее основные концептуальные положения.

Диссертация соответствует специальности 5.9.3. Теория литературы и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Соискатель Владислав Эдуардович Биктимиров достоин присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. Теория литературы.

Официальный оппонент

Козьмина Елена Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры издательского дела

Федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Тел. +7 (343) 375-45-07, rector@urfu.ru

17 октября 2022 г.

ПОДПИСЬ
ЗАВЕРЯЮ.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ УРФУ
МОРОЗОВА В.А.

